

Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98).
Political Linguistics. 2023. No 2 (98).

УДК 811.111'42
ББК ШП43.21-51
doi: 10.26170/1999-2629_2023_02_02

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.6

Ляля Гайнулловна Юсупова

Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия, lyalyax@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6104-2699>

Концептуальная метафора антропоморфного свойства как модель образного переноса

АННОТАЦИЯ. Ведущим механизмом формирования абстрактных компонентов являются метафорические и метонимические когнитивные модели. Концептуальная метафора, в первую очередь антропоморфная, как отражение внутреннего мира индивида, является одним из перспективных направлений исследования в когнитивной лингвистике. Поэтому для настоящего исследования представляет интерес рассмотрение концептуальных метафор антропоморфного свойства как моделей образного переноса. Отмечаются два возможных в когнитивной лингвистике подхода к интерпретации антропоморфной метафоры: они могут изучаться в рамках экспериментализма, где во главу угла поставлен телесный опыт (представления об объектах — это многомерные геистальты с интерактивными характеристиками, включающими такие составляющие, как восприятие, функциональные свойства, моторно-двигательные особенности и целеполагание), а также в рамках антропоцентризма (телесный опыт считается конкретным проявлением антропоцентризма). Автор отмечает, что выбор доменов-целей и доменов-источников у концептуальных метафор антропоморфного характера, на первый взгляд, не слишком богат и широк, и полет воображения человека как «творца» метафоры также кажется весьма ограниченным. В этой связи формирование лексического инварианта как комплекса абстрактных признаков может рассматриваться как врожденный механизм, связанный с задействованием дедуктивных методов лексического обобщения как составляющих когнитивного процесса. В современном английском антропоморфном дискурсе использование максимально образной и богатой имплицитными смыслами экспрессивно-оценочной метафоры обусловлено стремлением носителей языка расширить свою концептосферу, что позволяет дать экспрессивную оценку окружающим явлениям, упростить сложные абстракции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика, концептуальные метафоры, антропоморфный подход, метафорические модели, метафорическое моделирование, метонимические когнитивные модели, антропоцентризм, экспериментализм, английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юсупова Ляля Гайнулловна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации, Уральский государственный горный университет; 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. Хохрякова, 85, 3 уч. здание, ауд. 3521; email: lyalyax@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юсупова, Л. Г. Концептуальная метафора антропоморфного свойства как модель образного переноса / Л. Г. Юсупова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 22-28. — DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_02.

Lyalya G. Yusupova

Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia, lyalyax@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6104-2699>

Anthropomorphic Conceptual Metaphor as a Model of Figurative Transfer

ABSTRACT. *Metaphorical and metonymic cognitive models are the leading mechanisms of the formation of abstract components. The conceptual metaphor, primarily the anthropomorphic one, as a reflection of the inner world of an individual, is one of the promising areas of research in cognitive linguistics. Therefore, it is of interest for this study to consider conceptual metaphors of anthropomorphic character as models of figurative transfer. Two possible approaches to the interpretation of anthropomorphic metaphors in cognitive linguistics are noted: they can be studied within the framework of experimentalism, where bodily experience is put at the forefront (representations of objects are multidimensional gestalts with interactive characteristics, including such components as perception, functional properties, motor features and goal-setting), as well as within the framework of anthropocentrism (bodily experience is considered a concrete manifestation of anthropocentrism). The author argues that the choice of target domains and source domains for conceptual metaphors of anthropomorphic nature, at first glance, is neither rich enough or wide, and the flight of the person's imagination as the "creator" of the metaphor also seems very limited. In this regard, the formation of the lexical invariant as a complex of abstract features can be considered as an innate mechanism associated with the use of deductive methods of lexical generalization as constituents of the cognitive process. In modern English anthropomorphic discourse, the use of the expressive-evaluative metaphor, as imaginative as possible and rich in implicit meanings, is due to the desire of native speakers to expand their conceptsphere, which allows them to give an expressive evaluation of the surrounding phenomena and to simplify complex abstractions.*

KEYWORDS: cognitive linguistics, conceptual metaphors, anthropomorphic approach, metaphorical models, metaphorical modeling, metonymic cognitive models, anthropocentrism, experimentalism, English language.

AUTHOR'S INFORMATION: *Yusupova Lyalya Gaynullovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages and Business Communication, Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Yusupova L. G. (2023). Anthropomorphic Conceptual Metaphor as a Model of Figurative Transfer. In Political Linguistics. No 2 (98), pp. 22-28. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_02.*

Антропоморфный подход к анализу языковых единиц первичной и вторичной номинации предполагает последовательное изучение и описание мировосприятия человека на основе анализа внутренних форм языковых знаков, а также рассмотрения целостной языковой картины мира, в которой индивид представляет собой вершину мироздания. Что касается единиц вторичной номинации, то метафорическая картина мира, по большей части формируемая ими, — это часть языковой картины мира, отражающая мироощущение и мировосприятие человека, основанное на механизмах сравнения, как если бы один объект, реже значение, выступал (получал непосредственное и яркое воплощение) вместо другого (*as if*). В этой связи формирование лексического инварианта как комплекса абстрактных признаков может рассматриваться как врожденный механизм, связанный с задействованием дедуктивных методов лексического обобщения как составляющих когнитивного процесса. Ведущим механизмом формирования абстрактных компонентов являются метафорические и метонимические когнитивные модели. Таким образом, концептуальная метафора, в первую очередь антропоморфная, как отражение внутреннего мира индивида, является одним из перспективных направлений исследования в когнитивной лингвистике.

Метафоризация фактически сопровождается как бы вкраплением в новое понятие признаков уже известной действительности, расширением имеющейся картины мира, отображенной в значении переосмысливаемой сущности, что «оставляет следы» [Телия 1996: 186] в метафорических переосмыслениях. Вся обыденная понятийная система человека потому и носит метафорический характер, поскольку уже известная информация в форме поддающихся восприятию признаков получает метафорическую интерпретацию. Это, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон 2004: 25], отмечали многие лингвисты. Так, осмысливая окружающий мир, человек устанавливает различные логические связи между объектами и явлениями: причинно-следственные, тождества, сходства и т. д. [Болдырев 2015].

Для настоящего исследования представляет интерес рассмотрение концептуальных метафор антропоморфного свойства как моделей образного переноса. Интересно отметить, что выбор доменов-целей и доме-

нов-источников у концептуальных метафор антропоморфного характера, на первый взгляд, не слишком богат и широк, и полет воображения человека как «творца» метафоры также кажется весьма ограниченным. Тем удивительнее, что в пределах подобных метафорических механизмов, которые более или менее известны, потенциал метафорических концептов, присутствующих в языковой системе, весьма высок. В этой связи нас интересует, прежде всего, каков характер задействованных в данных механизмах переноса семантических компонентов антропоморфной природы.

В современном английском антропоморфном дискурсе использование максимально образной и богатой имплицитными смыслами экспрессивно-оценочной метафоры обусловлено стремлением носителей языка расширить свою концептосферу, что позволяет дать экспрессивную оценку окружающим их явлениям, упростить сложные абстракции. Желание приблизить непонятные и необъяснимые и поэтому пугающие воображение явления и объекты близкой и далекой действительности, стремление «приручить» дикую и враждебную, а по сути, равнодушную к человеку природу — это самые понятные причины того, почему вторичная номинация имеет «укорененный» характер в виртуальном мире человека. При этом наиболее частотная лексика из числа вторичной номинации со временем уже перестает восприниматься как таковая, вытесняя прямую номинацию (например, *лобовое стекло*, *ветка метро*, *brunch of linguistics* и т. п.).

Имеется три подхода к анализу метафоры: в соответствии с первым использовать метафору нужно исключительно тогда, когда нельзя выразиться точнее, например, необходимо вынести метафору за пределы научного дискурса и стремиться переводить ее в строгую логическую форму; согласно второму подходу, любые контекстные реализации толкуются как метафорические, которые, в свою очередь, понятны только внутри языковой игры [Ryle 1976]; третья трактовка предлагает отбросить определение метафоры как скрытого переносного значения, отличного от главного [Davidson 1972].

Из теории Дэвидсона следует, что метафоры передают значения в их наиболее буквальном толковании (второй подход). Метафора как троп вносит в суждение собственное системное значение, при этом бук-

вальное толкование метафоры определяет говорящим неким генератором общего смысла высказывания [Davidson 1978: 32]. Это «определенным образом» представлено в его теории довольно туманно. Что касается механизмов порождения метафоры, то автор развивает идеи о том, что процессы, порождающие метафору, доступны только «каузальному» пониманию, поскольку метафорическое выражение производит значение, а не эффекты [Davidson 1978].

При этом имеющее место сравнение говорит о сходстве, но на деле мы сталкиваемся с буквальным значением слова, и в то же время мы предпочитаем использовать сравнение для объяснения метафорических моделей, которые наделяем вторым, или другим значением. Метафора «работает» на те же виды сходства, что и соответствующее сравнение, и аналогии, к которым подталкивает метафора, определяются буквальным значением слова [Davidson 1978: 32].

Таким образом, Д. Дэвидсон устанавливает заметную границу между сравнением и метафорой, что не совсем логично. В результате он приходит к выводу, что все сравнения истинны, а большинство метафор ложно, объясняя это тем, что, «когда предложение воспринято нами как ложное, мы придаем ему статус метафоры и начинаем поиски глубинных импликаций. Возможно, именно поэтому ложность большинства метафорических выражений очевидна, а все сравнения — тривиально истинны. Абсурдность или противоречие в метафорическом предложении страхует нас от его буквального восприятия и заставляет понять его как метафору» [Davidson 1978: 33–34]. Мы полагаем, что то, о чем пишет автор, его основной посыл наблюдается далеко не всегда, т. е. метафорические свойства не часто объясняются буквальным (главным) значением полисеманта. Настоящее исследование частично опровергает эту мысль, поскольку данные анализа обширного метафорического материала и фразеологизмов свидетельствуют о том, что метафорические значения могут быть основаны и на инвариантных признаках, и на номинативно-непроизводном значении (см. ниже).

Вместе с тем, как было замечено ранее, представляет интерес логика автора в процессе разграничения сравнения и метафоры: «...сравнение говорит, что существует сходство, и оставляет нам самим найти некоторую общую черту или черты; метафора эксплицитно не утверждает сходство, но если нам ясно, что это метафора, то перед нами стоит задача поиска общих черт» [Davidson 1978: 38]. Например, выражение

«She is a rose» — это метафора, а «She is fragile/beautiful like a rose» — это сравнение, так как воспринимающему сознанию уже известны границы сходства.

Так же как и Д. Дэвидсон, другие лингвисты и философы языка выступают против идеи отражения в метафоре особого смысла, некоего непостижимого остатка, неуловимого сознанием. Вопрос «Как одна вещь напоминает другую?», по мнению Дж. Серля, идентичен вопросу «Как появляется метафора?» [Searle 1990: 415]. В своей работе мы рассматриваем лишь прозаические примеры с явными аналогиями в свете общепризнанных теоретических положений. Необходимо заметить, что на рубеже 1920–1930-х гг. логические эмпиристы [Cohen 1978; Rorty 1987 и др.] высказывали подобные вышеупомянутым идеи. Они отмечали наличие в метафорах семантического расхождения системного значения слова и собственно контекстуального смысла высказывания.

Такие свойства метафор, как гипотетичность и незавершенность, также очень важно учитывать. Данные переосмысления отсылают к фундаментальным свойствам реальности, неизвестным человеку, а также к подобиям и аналогиям, которые еще предстоит исследовать [Gentner 1982: 10]. Метафора, несомненно, заставляет нас увидеть нечто в ином свете, увидеть один объект в свете другого, что влечет за собой некое новое понимание, которое Д. Дэвидсон называет «прозрение» [Дэвидсон 1990: 191–192]. Отсюда следует, что метафоры необходимы для того, чтобы постоянно расширять человеческое сознание (говоря биологическим языком, создавать новые нейронные связи), что происходит благодаря способностям метафоры обеспечивать новое восприятие окружающей действительности. Возможно, в данном контексте буквальная язык покажется слишком ограниченным и не всегда обеспечивающим это восприятие.

Феномен метафоры состоит в ее многоаспектности, кроме того, поскольку она действует семантические механизмы языка, закрепляясь в узуальных смыслах, это и феномен лингвокультуры, так как она опирается на современные и традиционные символы культуры, и коммуникативное явление, поскольку метафора актуализируется в постоянных речевых практиках, «часто активизируя и развивая в том числе и узуальные значения» [Керимов 2012].

По мнению Дж. Лакоффа, в когнитивной лингвистике антропоморфные метафоры могут изучаться в рамках экспериентализма, где во главу угла поставлен телесный опыт: «...reason has a bodily basis» [Lakoff 1987:

267]. В концепции экспериентализма интерактивное свойство объекта является продуктом нашего взаимодействия с этим объектом. Представления об объектах — это многомерные гештальты с интерактивными характеристиками, включающими такие составляющие, как восприятие, функциональные свойства, моторно-двигательные особенности и целеполагание.

По нашему мнению, более привычным и понятным является вариант рассмотрения антропоморфных метафор в рамках антропоцентризма, а не экспериентализма. Мысль о главенствующей роли телесного опыта в большей степени коррелирует с концепцией *антропоцентризма*, который служит зонтичным суперординатным термином для понятия *антропоморфизм*.

Из отечественных исследователей следует упомянуть А. П. Чудинова, который предложил антропоцентрические метафорические модели. Первый тип его классификации предлагает модели, в которых человек рассматривает себя как неотъемлемую часть природы и социума, где на основе наблюдений за природными объектами и явлениями происходит как бы отождествление с ними. В этих моделях человек является «областью-мишенью», а соответствующие концептуальные ниши — «сферами-источниками». В качестве иллюстрации в этой группе метафорических переосмыслений представлена политическая метафора русского языка конца XX в. Автор выделяет в общей сложности четыре основных подвида: 1) антропоморфная метафора (человек выступает центром мироздания); 2) метафора природы (человек и природа); 3) социальная метафора (человек и общество); 4) артефактная метафора (человек и результаты его труда), — каждая из которых содержит наиболее типичные модели, которые дают «относительно полное представление о специфике данного разряда» [Чудинов 2001: 52]. Осуществляя исследования в этом же ключе, О. В. Дехнич отдельно выделяет модель «Человек как дерево» («People are trees»), иллюстрируя ее англоязычными примерами [Дехнич 2004].

Роль человеческого фактора в языке как одна из ключевых проблем нашего исследования, как известно, имеет две стороны: перенос наименований, связанных с человеком, на другие предметы и явления и обратный процесс, когда в окружающих объектах и живых существах прослеживается модель собственного поведения, видится сходство с самим собой. Считается, что первый перенос преобладает, хотя, по нашему мнению, это еще требует доказательств на обширном материале, ждущем своих исследователей.

Интересно обратиться к такому виду метафоры, как олицетворение. Широкое использование антропоморфных метафор как уже сложившихся концептов, т. е. того, что уже имеется в ментальном и языковом лексиконах, для обозначения реалий, требующих в рамках определенной картины мира дополнительных или новых номинаций, позволяет избежать безграничного расширения лексической системы языка. При этом стратегии переработки когнитивной информации могут быть связаны с двумя типами мышления — знаково-символическим (логико-вербальным) и пространственно-образным. Оба этих типа мышления принимают участие в создании антропоморфных номинаций метафорического типа. При этом постоянно имеющее место расширение сфер и явлений антропоморфного восприятия, а также непрерывный процесс переноса на них свойств человеческой личности свидетельствуют о кардинальной роли антропоцентризма в развитии языка.

Интересно отметить, что в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона такие метафоры, как *foot of the mountain*, *head of a cabbage*, *leg of a table*, относятся к разряду несистемных. Авторы считают такие метафоры мертвыми, в отличие от «живых» типа *wasting time*, *attacking positions*. По нашему мнению, такие метафоры, как *foot of the mountain/hill*, *head of the mountain/river/column*, *shoulder of the mountain/bottle* и т. п., нельзя считать несистемными, изолированными, поскольку, во-первых, это довольно продуктивная модель (добавим сюда, например, *the heart of the mountain*, *the cheek of the mountain*; заметим, что только со словом *head* таких сочетаний более 100), во-вторых, антропоморфные модели частотны и ни в коем случае не изолированы.

Что касается образности как обязательной составляющей живых, нетривиальных (речевых, точнее художественно-поэтических) метафорических переносов, то у метафор типа *head of a grave*, *eye of a twig*, *cheek* ее куда больше, чем у приведенных авторами переносов *wasting time*, *attacking positions*.

Что касается продуктивности подобных антропоморфных моделей, то, по нашему мнению, количество образуемых по модели «часть объекта — часть тела человека» метафор позволяет отнести ее к достаточно производительным. Даже за стершейся метафорой может стоять образ (см. ниже замечания о метафорической образности), иначе индивид предпочел бы использовать прямые номинации, но все же человек выбирает *a head of the mountain* вместо *a top of the mountain* и *a cheek of a hammer or pick*

вместо *a sidepiece of a hammer or pick*. Это говорит о том, что для коммуниканта интуитивно играет роль, является ли номинация прямой или косвенной, и разница заключается в степени экспрессивности и образности, которые ему необходимы, если он выбирает образную речь. Например, в русском языке метафора *лобовое стекло* (автомобиля) фактически является даже более употребимой, чем прямая номинация *переднее стекло*, и это при всей «любви» русского языка к прямым номинациям. Что же касается метафор типа *wasting time*, то они не обладают ни образностью, ни экспрессивностью, и поэтому «живыми» их можно назвать с большой натяжкой, скорее только продуктивными.

Продуктивность — это чрезвычайно важная характеристика при описании и выборе метафорических моделей. Говоря о метафорообразовании из единиц антропо-

морфной лексики, следует заметить, что сходные метафорические модели наблюдаются в индоевропейских, финно-угорских языках, изолирующих языках, например китайском, ср.: латинское *os* — *рот, ostium* — *вход, устье*; мансийское *sunt* — *устье реки, отверстие сосуда*, китайское *kou* — *рот, устье, горловина, отверстие, дыра, жерло* и т. п. [Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 814].

Интересны случаи наличия расхождений, когда антропоморфным номинациям в русском языке соответствуют неантропоморфные названия в английском (см. табл. 1).

Интересны случаи, когда один и тот же денотат в английских и русских антропоморфных метафорах выражен по-разному (табл. 2).

Сопоставление лексем *head* и *голова* показывает, что при метафорическом и метонимическом переносах в сочетаниях наблюдаются значительные отклонения (см. табл. 3).

Таблица 1. Метафорические антропоморфные значения и неметафорические соответствия в английском и русском языках

Метафорические антропоморфные значения в русском языке	Неметафорические соответствия в английском языке
губа залива	bay, inlet firth
глава церкви	cupola (от латинского «небольшая миска»)
шейка рельса	web
бровка уступа, канавы	edge, kerb
ручка корзины	grip
глазок двери	peep-hole
ножка рюмки	stem
бородка ключа	key bit
носик чайника	spout

Таблица 2. Метафорические антропоморфные расхождения в русском и английском языках

Метафорические антропоморфные значения в русском языке	Метафорические антропоморфные соответствия в английском языке
ушко иглы	an eye
щечка щипцов	jaw
колени в танце	figure

Таблица 3. Метафорические/неметафорические и метонимические антропоморфные соответствия в русском и английском языках

Метафорические значения в русском языке	Неметафорические соответствия в английском языке
головка сыра	cheese
глава города	mayor
головка сахара	sugar loaf
глава (руководитель)	chief, master
Метонимические значения в русском языке	Метонимические соответствия в английском языке
голова (ум)	mind, wit, wits (возможно to have a good head on one's shoulders)
голова (мозг)	brains
голова (единица счета)	unit of calculation (возможно head of a kettle)

Лексему *head* можно назвать ориентационно-структурной метафорой (ориентационная — «передняя часть», «начало», структурная — «главный», «важный»). В целом анализ субстантивных метафор, созданных на основе лексем *head* и *голова*, показал, что выделяемые в них когнитивные структуры-схемы имеют как образный, так и логический характер. В этой связи, очевидно, имеет смысл расширить набор ориентационных метафор, приведенных Дж. Лакоффом, типа верх (счастье / здоровье / контроль / статус / известное) — это хорошо, низ (грусть, болезнь / отсутствие контроля / неизвестное и т. п.) — это плохо. Основываясь на анализе, предпринятом в данном исследовании, а также на инвариантном подходе в целом [Песина 2018], следует добавить метафорический механизм «важное — это хорошо, неважное — плохо». Под этот механизм подходит не только полисемант *head*, стремящийся к широкозначности (ср. *head* — это всегда самая важная часть объекта в отличие, скажем от *periphery part*), но и те полисеманты, в основе метафорических значений которых лежит признак *important* (например, у некоторых метафор полисеманта *key*).

Таким образом, мы можем утверждать, что метафорическая картина мира — это, несомненно, богатый материал для исследования. Одной из целей настоящей работы является верификация еще одного когнитивного механизма, отвечающего за формирование и хранение структур многозначных слов в соответствующих концептосферах и, соответственно, в языковом лексиконе. К трем известным метафорическим моделям Дж. Лакоффа и М. Джонсона (ориентационные, структурные, онтологические) можно добавить антропоморфно-инвариантно модель образования метафор, основанную на потенциальных семантических компонентах, в том числе антропоморфического характера. С их помощью осуществляются метафорическая концептуализация и категоризация мира и самого человека в нем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. АРФС = Англо-русский фразеологический словарь / под ред. А. В. Кунина. — Москва : ГИИНС, 1955. — 1455 с. — Текст : непосредственный.
2. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах, категориях / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1. — С. 5–12.
3. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Концептуализация мира в языке : коллективная моногр. — Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. — С. 25–77. — (Когнитивные исследования языка ; Вып. IV).
4. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ

языка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. — Тбилиси : Изд-во Тбилисск. ун-та, 1984. — 1328 с. — Текст : непосредственный.

5. Дехнич, О. В. Фитометафора «ROOT» как часть когнитивной метафорической модели «ДЕРЕВО» / О. В. Дехнич. — Текст : непосредственный // Единицы языка и их функционирование : межвуз. сб. науч. тр. — Саратов : Научная книга, 2004. — Вып. 10. — С. 112–118.

6. Керимов, Р. Д. «Тело человека» как сфера-источник немецкой социальной метафоры / Р. Д. Керимов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 4 (42). — С. 105–123.

7. Кирилина, А. В. Телесная метафора / А. В. Кирилина. — Текст : непосредственный // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой ; регион. обществ. организация «Восток-Запад: Женские Инновационные проекты». — Москва : Информация-XXI век, 2002.

8. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Текст : непосредственный // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 387–416.

9. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова. — Текст : непосредственный // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. — Москва : Наука, 1988. — С. 8–69.

10. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с. — Текст : непосредственный.

11. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

12. Языковая номинация: общие вопросы. — Москва : Наука, 1977. — 359 с.

13. Cohen, T. Metaphor and the Cultivation of Intimacy / T. Cohen. — Text : unmediated // Critical Inquiry. — 1978. — Vol. 5. — P. 3–12.

14. Davidson, D. Semantics of natural language / D. Davidson, G. Harman [eds.]. — Dordrecht ; Boston : Reidel, 1972. — 679 p. — Text : unmediated.

15. MD = Macquarie Dictionary. — URL: <http://www.macquariedictionary.com>. — Text : electronic.

16. Merriam Websters, MW = Merriam — Webster's Online Dictionary. — 10th edition. — URL: <http://www.m-w.com>. — Text : electronic.

17. Rorty, R. Unfamiliar Noises / R. Rorty. — Text : unmediated // The Aristotelian Society Suppl. — 1987. — Vol. 61. — P. 283–296.

18. Ryle, G. The Concept of Mind / G. Ryle. — Harmondsworth : Penguin University Books, 1976. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Kunin, A. V. (Ed.) (1955). *ARFS: English-Russian phraseological dictionary*. Moscow: GIINS, 1455 p.
2. Boldyrev, N. N. (2015). Antropocentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, ediniyakh, kategoriakh [Anthropocentric essence of language in its functions, units, categories]. *Questions of cognitive linguistics*, 1, 5–12. (In Russ.)
3. Boldyrev, N. N. (2009). Kontseptual'naya osnova yazyka [The conceptual basis of a language]. In *Kontseptualizatsiya mira v yazyke* [Monograph] (Kognitivnye issledovaniya yazyka ; Вып. IV, pp. 25–77). Moscow: In-t yazykoznaneya RAN, Tambov: Izdat. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2009. (In Russ.)
4. Gamkrelidze, T. V., & Ivanov, V. Vs. (1984). *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz yazyka i protokul'tury* [Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical and typological analysis of the proto-language and protoculture]. Tbilisi: Publishing House of Tbilisi University, 1328 p. (In Russ.)
5. Dekhnic, O. V. (2004). Fitometafora «ROOT» kak chast' kognitivnoy metaforicheskoy modeli «DEREVO» [Phytometaphora «ROOT» as part of the cognitive metaphorical model «TREE»]. In *Units of language and their functioning* (Inter-university collection of scientific papers, Iss. 10, pp. 112–118). Saratov: Scientific book. (In Russ.)

6. Kerimov, R. D. (2012). «Telo cheloveka» kak sfero-istochnik nemetskoj sotsial'noy metaforiki [“Human body” as a sphere—the source of German social metaphors]. *Political Linguistics*, 4(42), 105–123. (In Russ.)
7. Kirilina, A. V. (2002). Telesnaya metafora [Body metaphor]. In A. A. Denisova (Ed.), *Slovar' gendernykh terminov*. Moscow: Informatsiya-XXI vek. (In Russ.)
8. Lakoff, J., & Johnson, M. (1990). Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. In N. D. Arutyunova (Ed.), *Theory of metaphor* (pp. 387–416). Moscow: Progress, 1990. (In Russ.)
9. Postovalova, V. I. (1988). Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [Picture of the world in human life]. In *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* (pp. 8–69). Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Telia, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow: School “Languages of Russian culture”, 288 p. (In Russ.)
11. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: Cognitive research of political metaphor (1991–2000)] [Monograph]. Ekaterinburg: USPU, 238 p. (In Russ.)
12. *Yazykovaya nominatsiya: obshchie voprosy* [Language nomination: general questions] (1977). Moscow: Nauka, 359 p. (In Russ.)
13. Cohen, T. (1978). Metaphor and the Cultivation of. *Critical Inquiry*, 5, 3–12.
14. Davidson, D., & Harman, G. (Eds.) (1972). *Semantics of natural language*. Dordrecht, Boston: Reidel, 679 p.
15. *MD: Macquarie Dictionary* (n.d.). Retrieved from <http://www.macquariedictionary.com>
16. *Merriam Websters, MW: Merriam — Webster's Online Dictionary* (n.d.). 10th edition. Retrieved from <http://www.m-w.com>
17. Rorty, R. (1987). Unfamiliar Noises. *The Aristotelian Society Suppl.*, 61, 283–296.
18. Ryle, G. (1976). *The Concept of Mind*. Harmondsworth: Penguin University Books.